

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1877 ГОД*

Критика текста и дополнения
к комментарию «Агаряне»

Обдумывая темы июльско-августовской книжки «Дневника писателя» 1877 г., Достоевский составил очередной план-конспект, который в печатном варианте выглядит так:

«1-е. Народ, правилен ли подъем? Спорят (?)»

2) Человеколюбие.

3) Славянофилы.

Левин народ» (25, 241).

В ПСС поставлен знак вопроса возле слова «Спорят» — как указание на то, что чтение предположительное. В рукописи вместо этого варианта — слово «Агаряне».¹ Помета «Левин народ» находится на уровне второй строки. Заметки относятся ко второй и третьей главам, где речь идет о славянофильском учении (гл. 2, § II «Признания славянофила»), а также оцениваются суждения Левина, героя романа «Анна Каренина», о народе и движении за славян (гл. 3, § III «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главной сущности Восточного вопроса», § IV «Сотрясение Левина. Вопрос: Имеет ли расстояние влияние на человеколюбие?..»).

Достоевский цитирует отрывки из романа Л. Н. Толстого, в том числе фразу одного из героев об агарянах: «В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом „нечестивых агарян“. Народ услышал о страданиях своих братьев и заговорил» (25, 218). Полемически воспринимается ответная реплика Левина: «...я сам народ, и я не чувствую этого». С данным диалогом и темой человеколюбия связаны две приведенные черновые записи — «Левин народ», «Човеколюбие».

Первая заметка содержит вопрос автора: «правилен ли подъем?». Ответ скрыт в слове «Агаряне», смысл которого поясняет не только цитата из романа «Анна Каренина», но и предваряющие ее рассуждения: «С самого начала народа русского и его государства, с самого крещения земли русской, начали устремляться из нее паломники во святые земли, ко Гробу Господню, на Афон и проч. Еще во время крестовых походов ходил в Иерусалим один игумен русский и был ласково принят королем Иерусалимским „Балдвином“, что прекрас-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 02-04-00101а.

¹ РГБ, ф. 93, л. 14/5, л. 2 об.

но описал в хождении своем.² Затем паломничество на Восток, ко святым местам, не прекращалось и до наших дней. Из русских же монахов есть и теперь в России весьма многие, живавшие на Афоне. Таким образом, темный и совершенно необразованный русский народ, то есть самые даже простые деревенские мужики, совершенно не зная истории и географии, знают, однако же, отлично, и уже очень давно, что *святыми местами и всеми тамошними восточными христианами овладели нечестивые агаряне, магометане, турки* и что жить христианам по всему Востоку чрезвычайно трудно и тяжело. Знает об этом русский народ с сокрушением сердца; а такова уже русская народная черта, историческая, что покаянные подвиги хождения ко святым местам он издревле еще высоко ценил» (25, 214; курсив мой. — Н. Т.).

И у Толстого, и у Достоевского агаряне — определение мусульман.³ Оспаривая мнение Левина о балканских событиях и народном отношении к ним, Достоевский использует исторический аргумент он говорит о существовании духовной *традиции*, сформировавшейся на основе христианских представлений. Именно поэтому «подъем», т. е. выступление в защиту славян («подъем русского национального духа за славян» — 25, 194), воспринимается как естественное проявление *исторически обусловленной* духовной сущности русского человека, как выражение национальной, православной, славянской идеи. Закономерным оказывается включение в «конспект» славянофильской темы: в окончательном тексте Достоевский говорит о разных взглядах на славянофильство и раскрывает свое понимание этого явления. Учение славянофилов автор связывает с «русской идеей», сформулированной еще в 1860-е гг. в контексте почвеннической программы журналов «Время» и «Эпоха»: «Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что *русская идея*, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, всё враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» («Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год», 18, 37; курсив мой. — Н. Т.).⁴ В «Дневнике писателя» обнаруживаем сходные мысли: « славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз

² Имеется в виду древнерусский литературный памятник «Хождение игумена Даниила» См 25, 440 (примеч А И Батюто)

³ См Там же С 440—441

⁴ См также тематический блок публикаций, посвященных русской идее в творчестве Достоевского Достоевский и современность Материалы XII Междунар Старорусских чтений Старая Русса, 1998

всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» (25, 195). Славянофильская тема, предваряющая критический разбор романа «Анна Каренина», стала идеологическим аргументом, напрямую не использованным в «споре» с Левиным, но давшим определенное направление выводам Достоевского.

Тисса

Не совсем точно отражена в печати черновая запись к «Дневнику писателя» за сентябрь 1877 г.: «Австрия решила — никаких перемен не произойдет в Турции без Австрии, положительно выгодно» (26, 180) В автографе нет начертаний, из которых бы сложилось слово «решила»: оно должно писаться через «ять», которая отсутствует в данном случае. Анализ буквенных элементов в их совокупности приводит к заключению, что в записи присутствует имя собственное, которое нуждается в реальном комментарии. Приведем текст набросков.

«Австри(я) — Тисса —

Никаких перемен не произойдет в Турции без Австрии, положительны выгоды».⁵

Коломан Тисса (Tisza, 1830—1902) — глава австрийского правительства, министр-президент Австро-Венгрии. Имя Тиссы часто упоминалось в русской периодике в 1876—1877 гг. В начале марта 1877 г газета «Голос» сообщала о выступлении Тиссы по Восточному вопросу «Министр-президент выставил на вид, что пока признает безуспешность замирения восставших турецких провинций и возможность вмешательства Сербии весьма невероятными. Сербия не станет вразрез с интересами Европы. Если же она это все-таки сделает, то решение австро-венгерской монархии будет поставлено в зависимость от ее собственных интересов В заключение министр-президент заявил, что напрасно полагают, будто участие Сербии в восстании может нарушить согласие между европейскими державами».⁶

В июле 1877 г. «Голос» сообщал о туркофильских настроениях в Австро-Венгрии и о митинге в поддержку турок, прошедшем в Будапеште При этом газета приветствовала политику, избранную австрийским правительством. «Если принять в соображение все об-

⁵ РГБ, ф 93 I 2 14/1, л 2 об

⁶ Заграничные известия // Голос 1877 3 марта № 63 С 4 См также Телеграммы, извлеченные из иностранных газет // Голос 1876 18 окт № 288 С 4, Из Вены // Московские ведомости 1876 27 окт № 273 С 3—4

стоятельства, при которых состоялся пештский митинг и при которых г(осподи)ну Тиссе пришлось ответить депутации, явившейся требовать, хотя и с некоторыми оговорками, объявления войны России и заступничества за Турцию, то нельзя не сознаться, что от венгерского министра трудно было даже и ожидать такого резкого и решительного ответа Г(осподин) Тисса не оставил ни малейшей надежды мадьярским доброжелателям Турции () Для всякого, умеющего понимать недомолвки и окольные обороты официальных речей, будет совершенно ясно, что г(осподин) Тисса, отвечая пештским туркофилам, предсказал, ни более ни менее, как вмешательство Европы или по крайней мере некоторых континентальных держав, имеющее целью принудить Турцию подчиниться справедливым требованиям России»⁷ К туркофильской теме «Голос» обращался и в сентябре 1877 г., отмечая изменения в поведении министра-президента «Что г(осподин) Тисса принял депутацию туркофильского митинга — это понятно он не мог, он не имел права не принять ее () Но он потом счел возможным принять приглашение на обед, устроенный в честь этой депутации туркофилов, то есть, попросту говоря, принять публичное участие в туркофильской демонстрации»⁸

Достоевский в приведенной выше черновой заметке о том, что «никаких перемен не произойдет в Турции без Австрии», почти буквально цитирует заявление Тиссы, прозвучавшее 15 сентября в палате представителей венгерского сейма и переданное русскими газетами «Политика правительства, теперь, как и прежде, состоит в ограждении интересов монархии, если возможно без войны, но под неперменным условием, чтобы на Востоке не происходило ничего без согласия на то Австро-Венгрии»⁹

Несколько дней спустя в «Московских ведомостях» появилась передовая статья, на которую Достоевский не мог не обратить внимание, — она содержала комментарий к новости, сообщенной ранее «Министр-президент Цислейтании князь Ауэрсперг на запрос, внесенный левою стороною палаты, ответил следующее правительство не намеревалось следовать и не следует переменчивой политике, сообразующейся с обстоятельствами (Politik von Fall zu Fall), оно, напротив, с самого начала ясно сознавало подлежащую ему цель и следовало оной с твердостью. Задачей его с начала войны было соблюдение нейтралитета монархии и настойчивое охранение в каждом данном случае интересов Австро-Венгрии, не принимая сторону ни той, ни другой из воюющих держав () Венгерский министр-

⁷ Голос 1877 23 июля № 162 С 1

⁸ Н С Заграничные известия // Голос 1877 26 сент № 227 С 4

⁹ Телеграммы Будапешт // Московские ведомости 1877 17 сент № 230 С 3
См также Телеграммы // Новое время 1877 17 сент № 558 С 1, Телеграммы Будапешт // Голос 1877 17 сент № 218 С 4

президент г<осподин> Тисса был гораздо словоохотливее своего цислейтанского товарища. < .. > Опровергнув упрек в том, будто бы нейтралитет соблюдается в смысле более благоприятном для России, нежели для Турции, г<осподин> Тисса отрицает также и то, будто бы между правительством и общественным настроением страны существует разлад <...>. Политика правительства заключается де прежде всего в том, чтоб охранить интересы страны, по возможности не вступая в войну, но во всяком случае так, чтобы на Востоке ничто не совершилось без согласия Австро-Венгрии».¹⁰

Мысль, высказанная Тиссой, звучала и ранее. Еще в июле газета «Новое время» писала о возможном участии Сербии в войне и отношении Австрии к Восточному вопросу: «Не так давно мы сообщали, что Австрия беспрепятственно допустила провоз турецкого оружия через Клек, под тем предлогом, что будто бы оружие это было давно заказано турками. В параллель с подобным несомненным нарушением нейтралитета Россия имела бы полное основание выполнить тот план, обсуждением которого теперь наполнены иностранные газеты: провести свои войска через долину Тимока по сербской территории. <...> Проект этот нельзя обсуждать без соотношения с положением Сербии. По всем известиям, эта несчастная страна пока лишена возможности принять деятельное участие в борьбе. Таким воздержанием приносится жертва Австрии, которая, по хвастливому выражению „Neue Fr. Presse“, будто бы занимает первенствующее место при разрешении восточного вопроса. „Вместе с Австрией на Востоке возможно достигнуть всего, без Австрии малого, вопреки Австрии — ничего“, так формулируется русофобами нынешнее положение дел».¹¹

В черновой записи Достоевского важны и финальные строки о «положительных выгодах» Австрии. Они показывают направление авторских мыслей, получающих развитие в окончательном тексте «Дневника писателя». В сентябрьском выпуске появляется особый раздел — «О том, что думает теперь Австрия» (§ IV, гл. 1), свидетельствующий об основательной авторской переработке новостного материала, извлеченного из газетной хроники. Каждая газета держится «тенденции», подчиняется воле редактора, а в «Дневнике писателя» представлен оригинальный, авторский, взгляд на события. Достоевский разъясняет, в чем, по его мнению, заключаются выгоды Австрии: «А при успехе Австрия может вдруг воротить всё утраченное при Садовой,¹² даже ух как более того. Затем на Востоке выгод своих и всего уже ей обещанного она тоже никак не потеряет. А глав-

¹⁰ Московские ведомости 1877 23 сент № 236 С 1

¹¹ Ежедневное обозрение // Новое время 1877 7 июля № 486 С 1

¹² Имеется в виду поражение Австрии при Садовой (3 июля 1866 г) в период австро-прусской войны, после которого Австрия была вынуждена передать Пруссии часть земель См 26, 361 (примеч А И Батюто)

ное, несомненно выигрывает в своем влиянии в католической Германии. Будь побеждена Германия, даже и не побеждена, а только воротись она не совсем удачно с войны, — и единство Германии сильно и вдруг покачнется. В южной католической Германии явится сепаратизм, о котором, сверх того, постараются изо всех сил клерикалы и которым Австрия, уж конечно, воспользуется... даже до того, что, может быть, явятся тогда две Германии, две объединенные германские империи, католическая и протестантская. А засим, усилившись тогда немецким элементом, Австрия могла бы посягнуть и на свой „дуализм“, поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения, а затем, разумеется, распорядиться уж и с своими славянами, и этак как-нибудь уже навеки. Одним словом, выгоды могли бы быть неисчислимы!» (26, 20).

Италия

Среди записей к сентябрьской книжке «Дневника писателя» 1877 г. есть фрагмент, напечатанный с ошибками: «Ключ католичества *сделать* Францию революционную и атеистическую рабом и союзником для истребления Бисмарка, для разрушения врага, для возбуждения католических элементов во всей Европе и особенно в Германии, с целью ослабления союзной Германской империи, а стало быть, и ослабления врага. И так, тоже протеже. Союзник Бисмарка» (26, 179). Изучение этих набросков приводит к выводу, что в ПСС неверно отражены финальные строки. Вместо «И так» в рукописи видим начертание с большим количеством букв, и в нем есть «i»; после него нет запятой, которая появляется в публикации. Кроме того, в конце текста обнаруживается наложение двух записей: наша фраза заканчивается словами «тоже протеже Бисмарка», а левее находится другая заметка (относящаяся к наброскам, расположенным выше): «3) А если так то Россия союзник Бисмарка. —». Слово «союзник» из этой заметки было ошибочно отнесено публикаторами к указанным наброскам. Приведем вариант автографа:

«Ключ католичества *сделать* Францию /революционную и атеистскую/ рабом и союзником для истребления Бисмарка, для разрушен(ия) врага, для возбуждения католических элементов во всей Европе и особенно в Германии, с целью [произведен] ослабления союзной Германской империи, а стало быть и ослабления врага. Италия тоже протеже Бисмарка».¹³

В печатном тексте сохранились лишь отголоски этой мысли: «Германия, стало быть, будет одна... с Италией, то есть почти всё

¹³ РГБ, ф. 93. I. 2. 14/1, л. 2.

равно что одна» (26, 19); «Франция, Австрия, Англия и Турция против Германии с Италией — это страшная коалиция» (26, 20). Установленное чтение позволяет дополнить реальный комментарий ПСС к сентябрьскому выпуску «Дневника писателя» 1877 г. Мысль Достоевского о том, что Германия в лице Бисмарка покровительствует Италии, является откликом на газетные материалы. Именно в сентябре многие издания, описывая дипломатические встречи итальянских и немецких политиков, прогнозировали и оценивали возможный союз Германии с Италией. Так, корреспондент «Нового времени» сообщал о банкете, устроенном 11 (23) сентября в Берлине в честь президента итальянской палаты депутатов Франческо Криспи. Отмечалось, что президент германского парламента Рудольф Беннигсен в застольном спиче «указал на связь культуры и нравственных интересов, соединяющих Германию с Италией в продолжении целых столетий».¹⁴ Позднее та же газета поясняла смысл германо-итальянских переговоров: «Дело в том, что со времени пребывания Беннигсена в Риме положение дел в Европе в такой степени изменилось, что внезапно выдвинуло установившиеся с 1866 года¹⁵ дружественные отношения между Германией и Италией на первый план. С одной стороны, неблагоприятный для нас оборот, который приняли военные события на Балканском полуострове, с другой — близость кончины папы и возможность нового государственного переворота во Франции в клерикальном духе — вот главные причины, побудившие Германию и Италию теснее примкнуть друг к другу и еще более проникнуться убеждением, что интересы их тождественны и преследуемые ими политические цели одинаковы. Зная, что им угрожает одна и та же опасность в лице римской курии и ее послушного орудия, нынешнего французского правительства, Германия и Италия желают, чтобы война на Востоке была локализована и, следовательно, не принудила бы их отвлечь свое внимание от того, что творится на Западе. < . > Германия имеет очевидно в виду образовать из себя, России и Италии новый тройственный союз, в случае если в Австро-Венгрии окончательно одержит верх туркофильская политика».¹⁶

Об антиклерикальном значении союза Германии с Италией писали и «Московские ведомости» в обзоре зарубежной прессы: «Французские газеты, и в особенности министерские, стараются представить не имеющим никакого значения прием, сделанный в Берлине президенту Итальянской палаты депутатов г<осподину> Криспи. Иначе рассуждают в Риме; там, напротив, приписывают этому

¹⁴ Внешние известия Германия и Италия // Новое время 1877 18 сент № 559 С 3

¹⁵ Перед войной с Австрией в 1866 г Бисмарк заручался поддержкой Италии

¹⁶ Ежедневное обозрение // Новое время 1877 26 сент № 567 С 1 См также Новое время 1877 27 сент № 568 С 2

приему большое значение и, как уверяет римский корреспондент *Indépendance belge*, ввиду пробуждения клерикальной агитации и все возрастающего реакционного движения во Франции, пользуются этим случаем, чтоб „упрочить еще более узы дружества и солидарности, соединяющие с 1866 года Германию с Италией“». ¹⁷ В газете анализировалась и реакция других европейских держав на возможность такого союза: «... *Пеитский Ллойд* уверяет, будто бы Германия желает заменить Россию Италией в Союзе Императоров и в европейском концерте. Эта инсинуация, столь же коварная, как и нелепая, могла возникнуть только в уме мадьяра. Впрочем, в Вене настолько недоверчивы к нам, что уже воображают себе готовый германо-италианский союз, улаженный через посредство г(осподина) Криспи. В Лондоне зорко следят за „италианско-германскою демонстрацией“ и наперед заявляют, что Англия не допустит, чтоб Италия извлекла для себя выгоду из теперешнего положения, а в Париже, как говорят, уже протестовали пред тамошним представителем Италии против наступательного характера италиянско-германского союза, направленного против Франции. (...) Если же добрые отношения между Италией и Германией внушают некоторый страх в Вене, Париже и Лондоне, то это доказывает лишь, что там считают подобный союз возможным в будущем и опасаются такового. Опасение это не лишено основания, но я желаю лишь констатировать, что г(осподин) Криспи тут не при чем. В Берлине давно уже признано, что неверная и колеблющаяся Австрия, в случае, если она пристанет к Франции и Англии, должна быть заменена Италией. Кому же неизвестно, что еще несколько месяцев тому назад было много речи о Русско-Германско-Италиянском союзе, имеющем быть противопоставленным союзу Англо-Франко-Австрийскому?» ¹⁸

Если «Новое время» пыталось определить цели Германии в отношениях с Италией, то в «Голосе», со ссылкой на «Северогерманскую всеобщую газету», говорилось о политических интересах Италии: «...опасение, внушаемое ему (Криспи. — *Н. Т.*) тою политикою, которая в настоящее время с помощью известных манифестаций епископов и папского „избирательного манифеста“ старается стать во главе управления Франции, должно было побудить его разузнать во время его поездки, на какие гарантии национальной независимости и территориального существования отечество его может рассчитывать вне Италии. (...) переговоры, которые ведутся, быть может, между Италией и Германией, ни в каком случае не имеют тенденции, направленной к нарушению мира, а будут направлены к обеспечению между ними взаимной связи, если после выборов они очутятся перед

¹⁷ Последняя почта // Московские ведомости 1877 25 сент № 238 С 3 См также Голос 1877 16 сент № 217 С 1

¹⁸ Из Берлина // Московские ведомости 1877 26 сент № 239 С 3

лицом клерикальной, то есть агрессивной Франции — агрессивной потому уже, что клерикальная Франция представляет для Италии постоянную угрозу».¹⁹

Нет сомнения, Достоевский читал все эти заметки, и его сентябрьские рассуждения об отношениях Германии с Италией — результат осмысления прочитанного. Достоевскому важно было то, что он предсказывал подобное развитие событий еще в выпуске «Дневника писателя» за май—июнь, предлагая при этом свое понимание происходившего: «Почему он (Бисмарк. — *Н. Т.*) так дальновидно озабочился заручиться итальянским союзом (так можно выразиться), — как не для того, чтоб с помощью итальянского правительства раздавить папское начало в мире, когда придет срок выбирать нового папу. Не католическую веру он гнал, а римское начало этой веры» (25, 157).

«Московские ведомости»

Указание на внимательное изучение писателем сентябрьской газетной хроники содержится в черновиках. Чтение некоторых записей необходимо уточнить.

Следующая заметка в ПСС имеет такой вариант:

«В „Москов(ских) ведомостях“ описание.

Но там не тот конец. (Далее начато: В случае)

Наконец-то я прочел. (Фраза: Наконец-то я прочел. — *вписана рядом с текстом:* В „Москов(ских) ~ не тот конец») (26, 178).

В рукописи:

«Наконец-то
я прочел

В Москов(ских) ведомостях, отличное —
Но там не тот конец.
[В случае Ав]».²⁰

Достоевский подразумевает передовую статью «Московских ведомостей» от 22 сентября 1877 г., в которой говорилось об усилении католицизма в европейской политике и его роли в Восточном вопросе: «Что касается воинствующего католицизма, то он не только теперь, но и с самого начала решительно и со страстью, как всем известно, взял под свою защиту правоверную Турцию против схизматической России».²¹ В основном тексте «Дневника писателя» приводятся цитаты из этой публикации, которую Достоевский называет «превосходной» (26, 12). В черновике другая оценка, не отраженная в ПСС:

¹⁹ Заграничные известия // Голос. 1877. 30 сент. № 231. С. 4.

²⁰ РГБ, ф. 93. I. 2. 14/1, л. 2.

²¹ Московские ведомости. 1877. 22 сент. № 235. С. 2. См. также: 26, 359, 433 (примеч. А. И. Батюто).

«отличное». Данное чтение подтверждается, во-первых, аналогией с окончательным текстом, содержащим семантически сходный вариант. Во-вторых, орфография и графика записи свидетельствуют в пользу указанного прочтения: в слове «описание» имеется буква «i», в нашем случае отсутствующая; не читается буквенное сочетание «ан», которое есть в варианте ПСС.

Достоевский заметил в черновике, что в упомянутой газетной публикации «не тот конец». Эту мысль он развивает в печатном тексте: «Всё это превосходно, и, однако, всё еще это не то, не настоящее объясняющее и последнее слово, которое, к удивлению, никто как будто не хочет высказать, даже как будто еще и не предчувствует в надлежащей полноте» (26, 12). В черновике упоминается Австрия; о политическом положении Австро-Венгрии Достоевский пишет в четвертом разделе гл. 1 — «О том, что думает теперь Австрия» (26, 17—20).

Печатный вариант следующих набросков также содержит ошибки:

«Я писал, но не считал, а между тем события в Москве, видимо —
Но оптимизм —
Есть события — » (26, 180).

В рукописи начало текста читается иначе:

«Я писал, но не считает(ся). А между тем события в Москов-
(ских) ведом(остях) —
Но оптимизм —
Есть события — ». ²²

Неверное чтение «события в Москве, видимо» получает соответственно не совсем точный комментарий: «Возможно, подразумевается восторженная реакция московского общества на протесты Вильгельма I, его правительства и официозной германской печати против турецких зверств и клеветнических заявлений турецких министров „о русских зверствах на Балканах“. Представление о таком настроении московского общества дает телеграмма, помещенная на страницах „Нового времени“ (1877, 18 (30) июля, № 497)...».²³ Подчеркнем, что все-таки Достоевский в большинстве случаев откликнулся на те события, которые произошли непосредственно в период подготовки очередного выпуска «Дневника писателя» (хотя, безусловно, при обсуждении этих фактов Достоевский мог размышлять и о произошедшем ранее). В приведенных набросках речь идет о сентябрьских событиях и, как следует из автографа, о газете «Московские ведомости». В тех же заметках, как мы видели, Достоевский уже упоминал «Московские ведомости» в связи с содер-

²² РГБ, ф. 93. I. 2. 14/1, л. 2 об.

²³ Подробнее см.: 26, 433 (примеч. А. И. Батюто).

жанием передовой статьи от 22 сентября 1877 г., включавшей аналитический комментарий к проблеме католического влияния в Европе. Именно об этой публикации Достоевский говорит и в окончательном тексте, подчеркивая, что и он писал на данную тему, только гораздо раньше (26, 12—13). С такой мысли начинается отмеченная нами черновая запись.

В черновом тексте, кроме того, есть помета «Но оптимизм», отсылающая к последним строкам газетной статьи (которые в окончательном тексте «Дневника» не цитируются, а в комментарии ПСС к подготовительным материалам в этой связи приводится только то, что процитировано в окончательном тексте, — 26, 433). «Итак, мы по-прежнему остаемся наедине с Турцией. Положение наше не стало хуже от испытанных неудач, и нам нечего опасаться помех, если только мы сами не захотим вредить себе. Мы пошли на войну, как на игрище, и вот нам только напомнили, что война с каким бы то ни было противником есть дело серьезное.»²⁴ «Оптимизм» газета продемонстрировала и в передовой статье от 23 сентября, посвященной реакции австрийского правительства на туркофильские демонстрации в Австро-Венгрии: «С своей стороны, и мы не можем не констатировать утешительного факта в этих официальных заявлениях. Утешительно то, что существование тройственного союза подтверждено пред Венгерскою палатой в такую минуту, когда туркофильские страсти разыгрались у мадьяр до бешенства. Сверх того, нельзя не обратить внимания, что одновременно с этим заявлением на словах Венгерское правительство принялось энергически за раскрытие и подавление таившейся в недрах страны туркофильской крамолы, которая уже готова была выступить с оружием.»²⁵ Достоевский, судя по всему, журналистского «оптимизма» не разделял, именно поэтому, назвав передовую статью от 22 сентября «превосходной», он все же не согласился с ее содержанием, а особенно с ее окончанием.

Следующие наброски, вызвавшие затруднения у публикаторов, вполне оправдывают свое название: многие слова в тексте не дописаны, в результате прочесть запись довольно трудно. В ПСС предложен такой вариант: «Все это превосходно, и, однако, все еще это не то, не настоящее объясняющее слово. Делаете некоторое заключение, что <нрзб> и что множество. Так ли это? Не предстоит ли в самом ближайшем будущем огромный поворот к всеевропейским событиям?» (26, 180). Запись читается, только если соотносить ее содержание с окончательным текстом. В рукописи:

«все это превосходно, и, однако, все еще это не то, не настоящее объясняющее слово. Делаете наконец заключение, что ин-<триги> в Анг<лии> и что мы одн<и>. Так ли это? Не предстоит

²⁴ Московские ведомости 1877 22 сент № 235 С 2

²⁵ Там же 23 сент № 236 С 1

ли в самом ближайшем будущем огромный поворот к всеевроп—м событиям?».²⁶

Отправной точкой рассуждений Достоевского стала все та же публикация газеты «Московские ведомости» от 22 сентября, в которой говорилось о том, что «Англии принадлежит главная роль в интригах», а «мы по-прежнему остаемся наедине с Турцией».²⁷ Содержание наброска отражено в словах «Между тем в этих „мнениях корреспондентов“ и во всей превосходной статье „Московских ведомостей“ все еще как будто не хотят допустить эту мысль и даже вместо того утверждают, что „Англии, несомненно, принадлежит главная роль в интригах“ и что мы „по-прежнему остаемся наедине с Турцией“ Но так ли это?» (26, 13).

Уточним текст следующих набросков и комментариев к ним.

«То-то и есть, что, может быть, на свидании европейских владык и министров их гарантировала уже Австрия.

Огромная доля в нем Турции, если только у нас будут условия» (26, 182).

В автографе вместо слова «условия» написано «успехи»²⁸

В комментарии ПСС к данным наброскам сказано: «Подразумеваются австро-венгерские гарантии по крайней мере нейтралитета в случае новой войны между Францией и Германией».²⁹ Согласно комментарию, «свидание европейских владык и министров» — это, во-первых, встреча императоров Германии и Австро-Венгрии Вильгельма I и Франца-Иосифа, о которой сообщали, в частности, «Московские ведомости» за 20 августа 1877 г,³⁰ и, во-вторых, совещание германского канцлера князя Бисмарка с австро-венгерским премьер-министром графом Андраши в Зальцбурге 7 (19) сентября (об этом писало «Новое время» за 9 (21) сентября).³¹ Нет сомнения, что Достоевский, развивая свои идеи, имел в виду указанные события. О встрече Бисмарка и Андраши говорится в печатном тексте сентябрьского выпуска «Дневника писателя» (26, 17) Но в тексте черновых заметок упоминается, помимо Австрии, еще и Турция, и в комментариях ПСС это обстоятельство объяснений не получает Между тем установленное чтение, тематически связанное с материалом печатного текста, может прояснить ситуацию. В окончательном тексте Достоевский замечает «На недавних свиданиях канцлеров обоих немецких государств, может быть, очень много было затро-

²⁶ РГБ, ф 93 I 2 14/2, л 1

²⁷ Московские ведомости 1877 22 сент № 235 С 2

²⁸ РГБ, ф 93 I 2 14/3, л 1

²⁹ См подробнее 26, 433—434 (примеч А И Батюто)

³⁰ 26, 434

³¹ 26, 361

нито „условного“. По крайней мере, австрийским правительством было уже объявлено у себя во всеуслышание, что ничто на Востоке не произойдет и не разрешится вне интересов Австрии, — мысль чрезвычайно обширная. Таким образом, даже и не дотронувшись до меча, Австрия уже уверена, что будет иметь знатное участие *в русских успехах*, если таковые окажутся, и, может быть, еще знатнейшее, если таковые совсем не окажутся» (26, 17—18; курсив мой. — Н. Т.). Это рассуждение о русских успехах и заявлениях австрийского правительства побуждает нас вернуться к передовой статье «Московских ведомостей» от 23 сентября 1877 г. В ней говорилось о встрече еще двух «министров» (в определении Достоевского) — министра-президента Цислейтании князя Ауэрсперга и венгерского министра-президента Коломана Тиссы. В этой статье излагалась, со ссылкой на слова Тиссы, позиция Австрии по отношению к Турции и России: «...все дело лишь в том, чтобы предотвратить такие события, которые могли бы ныне или в будущем угрожать преуспеванию Австрийской монархии. (...) Вследствие требования министерства иностранных дел, заявленного в самом начале войны, Русский кабинет дал обещание, что *русские войска не перенесут своих военных операций на сербскую территорию*. На это обещание России было де обращено внимание Турции, с приглашением ее последовать этому примеру, на что Турция охотно согласилась. Но Австрия не дала де Турции никаких указаний, ни предостережений на тот случай, если бы сама Сербия нарушила мир, и Австрия в этом отношении и не намерена стеснять свободу действий Турции; сама же она поступит в этом случае, как окажется нужным ввиду указанной выше цели и в соответствии с событиями». ³² Вполне очевидно, что Достоевский имел в виду это и подобные ему заявления австрийских политиков, говоря в «Дневнике писателя» о выжидательной тактике австрийского правительства и о том, что Австрия выбирает, на чьей стороне быть: «Так как же ей не знать теперь себе цену: ведь за кого она вынет меч, тот и восторжествует» (26, 18). Из черновой записи, как и из печатного текста, следует, что выбор Австрии во многом зависит от успехов России в войне с Турцией.

«Русские успехи» упоминаются еще раз в тех же набросках, и вновь в публикации возникает ошибка: «Австрийское правительство, очевидно, не решилось еще ни на что окончательно, а разве только условно, что в случае *нейтралитета*, что можно будет получить русские деньги» (26, 183). В автографе:

«Австрийское Правительство очевидно не решилось еще ни на что окончательно, а разве только условно, что в случае *неприятности*, что мож(но) будет получить с русских успе(хов)». ³³

³² Московские ведомости. 1877. 23 сент. № 236. С. 1.

³³ РГБ, ф. 93. I. 2. 14/3, л. 1 об.

Поверх слова «неприятности» разлиты чернила; очевидно, это обстоятельство является причиной ошибочного чтения. Во втором случае вместо «получить русские деньги» нужно читать «получить с русских успехов» — речь идет о выгодах, которые, по мнению Достоевского, ищет Австрия в Восточной войне.

Дополнительную информацию получаем из наборной рукописи. Рассуждая о распространении католических идей, Достоевский замечает:

«Да, это правда. Правда, что [клерикальная] (католическая) работа идет несомненно и в Австрии. Клерикалы дальновидны, им ли не понять теперешнего значения этой страны, им ли упустить случай. И уж разумеется они не упускают случая разжечь в этой католической и „христианнейшей“ земле всевозможные волнения, под всевозможными до неузнаваемости предложениями, видами и формами. Только вот что: кто знает, может быть в Австрии, хотя и делают конечно вид, что очень сердятся на эти волнения, но в сущности пожалуй и не очень (на них) сердятся, может быть даже совсем напротив: берегут эти волнения *на всякий случай* в видах того, что они могут пригодиться в ближайшем будущем...».³⁴

Далее в наборной рукописи вычеркнуто предложение, которое воспроизводится в ПСС частично: «Подавить или *(нрзб)* совсем раздавить, когда это понадобится, во всем опередить *(3—4 нрзб)* на это *(нрзб)* с риску — одним словом, очевидно, что австрийское правительство» (26, 234). В автографе:

«(Подавить же их и даже совсем раздавить, когда это понадобится в свою очередь, можно ведь очень легко: Австрия ли на это не мастерица!) Одним словом, очевидно что Австрийское правительство».³⁵

В окончательном тексте Достоевский высказался более осторожно: разговорный стиль, проявившийся в зачеркнутом фрагменте, заменило образное определение ситуации — в результате отредактированное высказывание звучит менее прямолинейно: «Всего очевиднее, впрочем, то, что Австрия, хотя и чувствует себя в самом счастливом политическом положении, но, в видах текущих событий, на *дальнюю* и очень определенную политику еще, может быть, не решилась, а только еще присматривается и ждет: что повелит ей сделать *благо-разумие*? Если же и решилась на что-нибудь, то разве на политику *ближайшую*, да и то условно. Вообще она в самом блаженном состоянии духа, решается не спеша, ждет, зная, что ее все ждут и что все в ней нуждаются, прицеливается на добычу, которую выбирает

³⁴ РГБ, ф. 93. I. 2. 13, л. 29.

³⁵ Там же.

сама,³⁶ и сладостно облизывается в видах близких и уже неминуемых благ» (26, 17).

Австро-Венгрия здесь сравнена с хищником, выжидающим жертву. Этот образ формирует отрицательное отношение к политике австрийского правительства, которая воспринимается как агрессивная и опасная. Подобный прием сравнения, порождающего отрицательные ассоциации, Достоевский использовал годом ранее, оценивая политику Биконсфильда — в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. встречаем образ тарантула, «piccola bestia», паука: «Кто же или что же такое эта piccola bestia, которая производит такую сумятицу, — это невозможно определить, потому что наступает какое-то общее безумие. Всякий представляет ее себе по-своему, и никто не понимает друг друга. И однако, все как будто уже укушены. Укушение это производит немедленно самые чрезвычайные припадки: все в Европе сейчас же как будто перестают понимать друг друга, как при Вавилонской башне; даже всякий про себя перестает понимать, чего хочет. В одном лишь все соединяются: все тотчас указывают на Россию, всякий уверен, что вредный гад каждый раз выбегает оттуда» (23, 107); «Паук, паук, piccola bestia; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая bestia!» (о Биконсфильде — 23, 110).

Несомненно, такие сравнения восходят к художественным опытам Достоевского, во многих произведениях которого встречаются «зоологические» образы. По наблюдению В. П. Владимирцева, «следуя народно-языческим и народно-христианским представлениям о поганом и нечистом, Достоевский-художник создал мерзостно-отталкивающие зоосемичные символы зла: исполинские Паук Газин, зловещие мыши и пауки Свидригайлова, ставрогинский „красный паучок“, насекомовидная химера в сновидении Ипполита Терентьева (ср. с бестиарием сна пушкинской Татьяны Лариной), ночной „собачий гам“ в городе Бесов, фаланга Дмитрия Карамазова, крысы и тараканы в карамазовском доме, метафорическая сюжетопологающая формула Ивана Федоровича: „Один гад съест другую гадину“».³⁷ По мнению исследователя, зооподобные хтонические образы, составляющие «низ бестиария» (в том числе и образ паука), «литературно соотнесены с темными и разрушительными силами человеческой души», так как «любой вариант его (Достоевского. — Н. Т.) литературной „зоописи“ — это всегда обращенность к философско-

³⁶ Восстанавливаю запятую по наборной рукописи и прижизненному изданию (РГБ, ф 93 I 2 13, л 29), 1878 (221)

³⁷ Владимирцев В. П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура М, 1999 № 12 С 132 См также книгу В. П. Владимирцева «Достоевский народный Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура» (Иркутск, 2007 С 300—315)

психологической, человеческой стороне бестиарного материала, нравственным основам жизни»³⁸ Метафорический язык «Дневника писателя», кроме того, характеризует художественную специфику текста — еще в 1920-е гг В А Сидоров, оценивая это произведение, заметил, что «привычка к образному мышлению может сказываться в обращении с некоторым материалом, фактами и явлениями общественной жизни и др., именно в их персонификации. Говоря о каком-нибудь историческом событии, народе и т. п., Достоевский может видеть особый образ, почти лицо, личность, наделенную волей и осуществляющую ее в какой-нибудь идее и стремлении»³⁹

В черновых заметках имеется определение, которое в печати отражено неверно «разумнейшие клерикалы» (26, 183) Очень сомнительно, чтобы Достоевский мог назвать клерикалов «разумнейшими» (разве только в ироническом контексте), особенно если учесть, что он написал о них в окончательном тексте «Дневника» «яростные ненавистники России», «воинствующие» (26, 13), в лучшем случае «дальновидные» (26, 17) В автографе обнаруживаем другое (тот же вариант и в процитированной наборной рукописи)

«И уж разумеется клерикалы не упустили случая разжечь в католической и христианнейшей земле этой всевозможные волнения под всевозможными до неузнаваемости предлогами, видами и формами»⁴⁰

Достоевский говорит о «католической работе» в Австрии (см комментарий выше и содержание сентябрьской книжки «Дневника писателя», гл 1, § IV «О том, что думает теперь Австрия»)

³⁸ Владимирцев В П Поэтический бестиарий Достоевского С 132—133

³⁹ Сидоров В А О «Дневнике писателя» // Ф М Достоевский Статьи и материалы / Под ред А С Долинина Л, М, 1924 Сб II С 112 См также Дмитриева Л С О жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф М Достоевского (К проблеме типологии журнала) // Вестн Московского ун-та Сер «Журналистика» 1969 № 6 С 31, Захарова Т В К вопросу о жанровой природе «Дневника писателя» Ф М Достоевского // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX в Л, 1974 С 165, Волгин И Л Достоевский-журналист («Дневник писателя» и русская общественность) М, 1982, Захаров В Н Система жанров Достоевского Типология и поэтика Л 1985 С 201—204, Фокин П Е Соотношение факта и образа в характеристике жанра (На материале «Дневника писателя» 1876—1877 гг Ф М Достоевского) // Сюжет и фабула в структуре жанра Калининград, 1990 С 57—58, 62

⁴⁰ РГБ, ф 93 I 2 14/3, л 1 об